

ГОРИЗОНТЫ ПОИСКА

Известие о том, что Львовский русский драматический театр Советской Армии к 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина ставит «Синие кони на красной траве» М. Шатрова не могло оставить равнодушным. «Синие кони...» — произведение очень интересное, многоплановое, но тем более трудное для постановки. Оно требует не просто ярких дарований: высокой культуры образного мышления, знания и понимания глубинных процессов нашей истории.

Решение львовян вновь обратиться к ленинской теме, в которой у театра в свое время были интересные находки, представляется мне в определенной степени символическим. Вспоминается последняя встреча с коллективом, на которой шел отнюдь не простой разговор, касавшийся не столько сегодняшнего состояния театра, сколько его будущего. Ведь развитие творческого коллектива никогда не бывает ровным. Постепенно, исподволь идет в нем процесс накопления качества — в актерском мастерстве, сценографии, режиссуре, осмыслении пройденного репертуара. В какой-то момент коллектив ощущает, что все это уже не может более оставаться на прежнем уровне — теперь должен последовать рывок вперед. И момент очередного творческого рывка для львовян, полагаю, наступил, что, кстати, и подтверждается обращением к «Синим коням...»

И тем более кажется важным сейчас пристальней взглянуть в афишу театра последних лет, постараться уловить, что стоит на магистральной его развития, а что — лишь рядом, поразмыслить, в каком направлении может пойти творческий поиск коллектива.

Афиша эта на сегодняшний день весьма обширна. Довольно широк диапазон спектаклей героико-исторического плана: «Разлом» Б. Лаврентева, «Свадьба в Малиновке» Л. Юхвида, «В списках не значился» Б. Васильева... Серьезно разрабатывается современная армейская тема: трилогия А. Пинчука «Лейтенанты», «Майор как майор», «Небо — земля». Посталены «Святая святых» И. Друцэ, «Гнездо глухаря» В. Розова, «А поутру они проснулись...» по В.

Шукшину, «Допрос» по «Криминальному таланту» С. Родионова. Русская классика представлена «Последней жертвой» А. Островского. И в том же ряду: «Верните бабушку» В. Мхитаряна, «Кресло № 16» Д. Угрюмова, «Проделки Ханумы» А. Цагарели, «Восемь любящих женщин» Р. Тома...

Что это — эклектика? Отсутствие единого репертуарного направления? Попытки испробовать силы коллектива и сказать свое слово во всех жанрах драматического искусства?

Убежден — последнее, ибо, посмотрев полтора десятка спектаклей львовской военной труппы, я стал свидетелем ряда по-настоящему интересных работ. И среди них — главная удача последних двух сезонов — «Святая святых» в постановке А. Ротенштейна.

Кэлли — А. Кравчук, Мария — З. Дехтярева, Груя — Ю. Сатаров — какой ансамбль, какая сила актерской правды! Отличный режиссерский ход: символические фигуры павших солдат, возникающие всякий раз, когда Кэлли и Груя встают перед трудным шагом, — нетленная совесть живущих. Глубоко гармонично общему замыслу сценография Л. Боярской — работа очень удачная и многообещающая.

Надолго запомнился и «Допрос» — постановка В. Мельника. И в нем театр выступает с публицистических позиций борьбы за человека, за его место в наших рядах. Спектакли такого рода, как правило, удаются театру, и зал откровенно и заинтересованно любуется талантливой игрой Г. Щербакова (Рябинин) и Т. Аркушенко (Рукояткина).

Волнует и «Гнездо глухаря» (постановка В. Гаврилова). И тем не менее именно на этом спектакле вдруг отчетливо увиделось: увлечение театра критическим, если так можно обозначить, пафосом (подряд — «Допрос», гневный и скорбный Шукшин, антимещанское «Гнездо...», плюс еще копковский «Слон») словно бы начало оборачиваться против самого коллектива. Особенно это было заметно в том, что сверх всяких ожиданий неинтересной оказалась работа такого одаренного, крупномасштабного актера, как В.

Щербаков. Вся роль им проводится как на одной заданной ноте, едва он появляется на сцене, мы уже знаем, что его герой негодяй, эгоист и т. д. и т. п. А дальше и В. Щербакову играть скучно, и зрителю следить за ним...

Зато каков тот же В. Щербаков — Годун в «Разломе»! Мощь, стать, характер, вышедший из народа, и глубокий, как сам народ. Он и тогда играл в паре с А. Аркадьевым — Версеневым, но ведь и Аркадьев в «Разломе» был во сто крат ярче.

В чем же дело? А уж не в том ли, что существует все-таки оно — великое «нечто», заставляющее актеров, и актеров талантливых, избирать из всех театров страны именно театр военных. Видимо, речь идет о вполне определенном внутреннем пристрастии и к теме, и к органически связанной с нею моральной, психологической, социальной и, наконец, очень важной для артиста эмоциональной характеристике героя. Логично предположить, что коль скоро актеры приходят в армейский театр, то и ждут от него целенаправленного репертуарного поиска, способного обеспечить эту творческую привязанность, дающего возможность членам труппы реализовать свои замыслы.

Потому-то, скажем, чисто военные спектакли Львовского театра покоряют жизненной правдой, естественностью, раскованностью актерской игры, большой свободой импровизации. Исполнители работают легко и точно, рисунок ролей изящен и прост, никто не встает на котурны, и на сцене кипит сама жизнь, которой с той же готовностью и сопричастием верит зритель.

Опыт львовян по созданию спектаклей на тему о современной армии наводит на одно характерное сопоставление. Если сравнить два спектакля трилогии: «Лейтенанты» и «Небо — земля», заметно, что драматургия последнего намного совершеннее. Актерски они выполнены, можно сказать, на равных. Тем не менее зрительские симпатии принадлежат «Лейтенантам» в значительно большей степени.

И весь «секрет» здесь, на мой взгляд, в том, что в «Лейтенантах» драматург су-

мед, образно говоря, выйти за порог КПП. Его герой мы видим не только в общении друг с другом и сослуживцами, но и с людьми самых различных категорий: школьниками, их ортодоксальной учительницей, милиционером, просто прохожим. При этом офицеры открыто выражают свой взгляд на вещи, взгляд, воспитанный армией, слышат в ответ иные мнения и побеждают, а порой проигрывают в спорах. Лейтенанты не зажаты в рамках сугубо служебных отношений, сугубо служебных конфликтов, они неразрывны с обществом, влияя на него и подвергаясь его влиянию.

А вот «Небо — земля» при всех своих достоинствах более замкнута, это пьеса о летчиках и прежде всего о летчиках.

Кстати, сколько ни доведется мне посмотреть и прочитать пьес на темы современной армии и флота, большинство из них страдает именно этим недостатком: локальностью, замкнутостью конфликта. За пределы его сумели вырваться лишь «Лейтенанты», пьеса А. Софронова «Земное притяжение» и, пожалуй, водевилей Ю. Виноградова «В порядке исключения», который, кстати, сейчас репетируется.

Но надо сказать и о том, что современная армейская и флотская тема, оставаясь главной направляющей тематического поиска военных театров, отнюдь не является единственной. При всей «специализации» диапазон репертуарных возможностей широк. И чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить многое из того, что плло на наших сценах и о чем мы, наверное, незаслуженно забываем.

«Далекое» А. Афиногенова. Сегодня, когда взоры прикованы к БАМУ, к стройкам Спбурга и Дальнего Востока, разве не обретает эта пьеса новую современность как своеобразный генератор лучших традиций пионеров освоения края «далекого, но нашеского»? Или прекрасный арбузовский «Город на заре»?

Каждое поколение строит свою жизнь на примерах великих предшественников. «Зрелище жизни великого человека», — писал В. Беллинский, — есть всегда прекрасное зрелище: оно возвышает душу... возбуждает деятель-

ность». В активе минувших десятилетий у львовян — «Генерал Ватутин» Л. Дмитерко, «Пархоменко» Вс. Иванова, «Полководец Суворов» И. Бахтерева и А. Разумовского. Логическим продолжением линии видится и спектакль, готовящийся по новой пьесе Э. Вериги «Перехожу к действительности», о легендарном разведчике Н. Кузнецове. Но и от старых находок, может быть, не стоило совсем отказываться!

Кладезь неисчерпаемый — советская классика, созданная о гражданской войне, годах предвоенного строительства Вооруженных Сил, о Великой Отечественной. С симоновским «Парнем из нашего города» театр уходил на фронт, со словами его героев солдаты поднимались в атаку...

На фронтовых дорогах, на привалах у костра с черновых листов рукописи читал Актюграм тогдашнего Театра Юго-Западного фронта свою пьесу А. Корнейчук. И «Фронт» в те годы был одним из вершинных достижений труппы. Но вот уже очень много лет в афише львовян нет этого спектакля, хотя их умение современными глазами читать классику советской драматургии неоспоримо и может привести сегодня к созданию спектакля интересного и нужного отнюдь не только в историческом плане.

Огромные возможности сулит и обращение к великим именам мировой драматургии. Т. Щепкиной-Куперник был создан специальный сценический вариант ростановского «Сирано де Бержерака» для Театра Киевского особого военного округа (ныне — Львовский театр)! А бунтарская «Фуэнте овехуна» Лопе де Вега? Ведь это — заря советского революционного театра, в том числе первых армейских передвижных трупп. И как бы органично встал такой спектакль в афишу рядом с «Синими конями...»

...Многие из проблем, затронутых в разговоре о творчестве Львовского русского драматического театра Советской Армии, в равной мере относятся и к деятельности других военных драматических коллективов. От их совместных усилий зависит, чтобы наш армейский, флотский театр выгодно отличался среди других «лица необщим выраженьем», чтобы во всем был он таким, каким надлежит быть военному, боевому театру — театру высоких страстей, театру романтическому, театру героическому, театру жизнеутверждающему.

Э. МИХАЙЛОВ.